

МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВОГО ФОЛЬКЛОРА ОСЕТИН

Д.М. Дзлиева
С. Аланкуш

Музыкальный фольклор осетинского народного календаря еще ни разу не становился предметом специального исследования. Настоящая статья относится к области этномузыкознания, изучающего народную музыкальную культуру в широком этнокультурном контексте. В статье исследуется корпус песен, относящихся к различным обрядам народного календаря, в которых отражаются древние религиозные представления и верования народа. Источниками текстов послужили сборники «Ирон адæмон сфæлдыстад», «Памятники народного творчества осетин», а также материалы из Научного архива СОИГСИ и собственных полевых исследований. Целью статьи является выявление состава песенных циклов в рамках осетинского народного календаря, определение их жанровой классификации, а также систематизация имеющегося материала. В рамках исследования проведен анализ поэтических текстов, выявлены основные характеристики календарно-обрядовой поэзии осетин. Общие наблюдения касаются динамики исторического развития исследуемых жанров, связанной со сменой аутентичных форм бытования на вторичные. Весь песенный репертуар осетинского календаря исполняется в традиционной осетинской вокальной манере опорного двухголосия с бурдонным басом. Музыкально-стилевые особенности каждого из календарно-обрядовых жанров однородны в типологическом отношении, что обусловлено схожестью их функций. Единство календарно-обрядовых песен обнаруживается не только в музыкальной стилистике, но и на других уровнях художественной организации. В каждом из трех, выделенных нами жанров, можно говорить о музыкально-поэтических закономерностях, характерных для всего корпуса обозначенного жанра, вне зависимости от привязки к сезону. На наш взгляд, календарно-обрядовый музыкальный фольклор может вернуться в структуру осетинской обрядности на новом витке ее исторического развития и в формах, адекватных природе фольклора. В этом видится возможная практическая ценность разработок, осуществленных в настоящем исследовании.

Ключевые слова: музыкальный фольклор, народный календарь осетин, календарно-обрядовые песни, осетинская этномузыкология.

The Ossetian people's musical calendar folklore has never been the subject of a special study. This article probes into the ethnomusicological field, which studies folk music culture in a broad ethnocultural context. The article explores the corpus of songs related to various rituals of the national calendar, which reflect the ancient religious ideas and beliefs of the people. Text sources were collections of "Iron Adæmon Sfældystad", "Ossetian Folk Art Monuments", as well as Scientific Archive NOIHSS materials and our own field researches. The article's aim is to reveal the composition of the song cycles within the framework of the Ossetian people's calendar, to determine their genre classification, and to systematize the available material. In the study, the poetic texts analysis identified the main characteristics of the Ossetian calendar-ritual poetry. General observations are related to the dynamics of the historical development of the studied genres associated with the change of the authentic forms of existence in the secondary. The entire Ossetian calendar's songs repertoire is performed in a traditional Ossetian vocal manner of basic two-part musical texture with Bourdon bass. Musical and stylistic features of each of the calendar ceremonial genres uniform typological relation, due to the similarity of their functions. The calendar and ceremonial songs' unity is found not only in the musical style, but also at other levels of artistic organizations. In each of the three

selected genres, we can discuss the musical and poetic regularities, characteristic for the entire corpus of the designated genre, regardless of the season. In our opinion, calendar and ritual musical folklore can be revived in the structure of Ossetian rituals on a new spiral of its historical development and in forms adequate to the nature of folklore. This seems to be the possible practical value of the developments carried out in this study.

Keywords: *musical folklore, people's calendar of Ossetians, calendar-ritual songs, Ossetian ethnomusicology.*

Календарные песни являются одним из наиболее ранних слоев народной музыкальной культуры. В разные годы народный осетинский календарь становился темой исследования различных исследователей (Вс. Миллер, В. Уарзиати, Л. Чибириков, В. Бекоев, и т.д.).

В контексте русской этномузикологии календарные песни являются одной из наиболее привлекательных тем исследования. Что касается музыкального наполнения осетинского календаря, то стоит отметить, что проблематика календарно-обрядового фольклора осетин не становилась темой музыковедческих исследовательских работ. В работах осетинских исследователей мы находим лишь отдельные замечания (Ф. Ш. Алборова, и К. Г. Цхурбаевой).

Основной задачей настоящей статьи является фольклорно-этнографическая систематизация имеющегося материала, разработка жанровой системы, выявление состава календарных песенных циклов и их этнографического контекста.

При рассмотрении календарно-обрядового цикла мы опираемся на определение В. М. Щурова в учебнике «Жанры русского музыкального фольклора»: «Календарно-обрядовыми называют песни, приуроченные к определенным периодам или датам земледельческого календаря и выполняющие (или выполнявшие в первоначальном своем предназначении) определенную магическую функцию» [1, 9].

Представим проведенную нами структуризацию музыкально-поэтических форм обслуживающих обряд с уча-

нием обрядовых действий, основанную на разработках отечественных ученых в области восточнославянского фольклора с учетом подходов осетинских исследователей.

На осетинской этнической территории представлен единый тип календарно-обрядовых традиций, в которой оказывается включен весьма обширный круг фольклорных жанров. В ходе исследования нами было выявлено три основные группы:

- *первая группа* – религиозно-мифологические песни. Их календарно-обрядовая принадлежность раскрывается посредством рассмотрения функционального и семантического аспекта. Эти песни связаны единым сводом религиозно-мифологических представлений осетин и исполняются во время календарных праздников, посвященных определенным святым. Поэтическую основу этих песен составляют молитвы тому или иному святому (непосредственно виновнику обрядово-магических действий), а также просьбы о ниспослании всяческих благ и защиты от напастей и нечисти.

- *вторая группа* – земледельческие песни, исполняющиеся во время осенних или весенних обрядово-магических действий, направленных на защиту от злых духов и умолиствие высших сил.

- *третья группа* представлена обрядово-поздравительными песнями обхода дворов. Особенностью осетинской традиции является немногочисленность группы календарно-обрядовых песен. Этим обстоятельством обусловлены сложности структурирования корпуса

песен и их жанровая группировка. Так, например, обрядово-поздравительные песни обхода дворов представлены как песнями, исполняемыми во время празднования нового года (*басилтæ*), так и песнями в честь родившихся в течение года мальчиков (*сой*).

Как отмечал Вс. Миллер: «Осетины различают времена года следующим образом: 1) Зымæг, д. зумæг – зима; 2) Рагуалдзæг – ранняя весна; 3) Уалдзæг – весна и первая половина лета, приблизительно май и июнь; 4) Фæззæг – лето, начиная с покоса и до листопада; 5) Æрæгфæззæг – позднее лето, т.е. осень, с появления инея и с листопада до снега» [2, 446-447]. В историко-этимологическом словаре В. И. Абаева выделяются следующие обозначения времен года: *зымæг* – зима [3, 320]; *рагуалдзæг* – ранняя весна [3, 46-47]; *уалдзæг* – весна [3, 46-47]; *сæрд* – лето [4, 80]; *фæззæг* – осень [5, 469]; *æрæгфæззæг* – поздняя осень [5, 469]. Полевые работы, связанные с календарем, имеют также обозначения, включающие лексемы вре-

мен года. Так, озимые обозначаются как – *фæззыгæнд*, а яровые – *уалдзыгæнд*.

Таким образом, учитывая осетинские традиционные особенности членения календаря, все календарно-обрядовые песни систематизированы нами по временам года: **зимние** (обрядово-поздравительные песни обхода дворов) **весенние** (земледельческие, религиозно-мифологические) и **летне-осенние** (земледельческие, религиозно-мифологические, обрядово-поздравительные песни обхода дворов).

В схеме ниже представлена реконструкция музыкально-поэтических жанров обслуживающих обрядовые практики осетинского народного календаря:

Отметим, что некоторые праздники в разных районах Осетии отмечали в разное время, более того, существовали праздники, которые отмечались несколько раз в год (см. праздник *Тутыртæ*).

Зимние обрядово-поздравительные песни обхода дворов исполнялись во время празднования Ног бон/Анзи сар ('Но-

жанр	праздник	песня
Зимние		
Религиозно-мифологические песни	<i>Тутыртæ</i>	<i>Тутыры зарæг</i>
Обрядово-поздравительные песни обхода дворов	<i>Ног бон ('Новый год')</i>	<i>Басылтæ Хæдзаронтæ Ног боны зарæг</i>
Весенние		
Религиозно-мифологические песни	<i>Аларды</i>	<i>Алардыы зарæг</i>
	<i>Фæлварайы æхсæв</i>	<i>Фæлварайы зарæг</i>
	<i>Мыкалгабыр</i>	<i>Мыкалгабыры зарæг</i>
	<i>Никкола</i>	<i>Никколайы зар</i>
Земледельческие песни	<i>Хоры бон/Хумидайæн</i>	<i>Хуымгæнæны зарæг Куывды зарæг Дæлæ быдыры нæ гутæттæ Хорæрцыды зарæг</i>
Летне-осенние		
Религиозно-мифологические песни	<i>Уациллайы бæрæгбон</i>	<i>Уациллайы зарæг</i>
	<i>Фæлварайы куывд</i>	<i>Фæлварайы зарæг</i>
	<i>Фыдыуани</i>	<i>Фыдыуанийы зарæг</i>
	<i>Уастырджийы къуыри</i>	<i>Уастырджийы зарæг</i>
Земледельческие песни	<i>Хоры саеры куывд/Хуарисар</i>	<i>Фæззæджы зарæг Тылæджы зарæг</i>
Обрядово-поздравительные песни обхода дворов	<i>Кæхцæгæн</i>	<i>Сой</i>

вый год'): *Басылтæ* (нпрвд.), *Ног бонь зарæг* ('Песня Нового года') или *Хæдзронтæ* ('Домашние'). Одна из составляющих обряда празднования нового года состояла в том, что группа исполнителей обряда *басылгуртæ/басилгорта* ходила от двора к двору, поздравляя хозяев с праздником и величая их особыми песнями. В благодарность за поздравления и добрые пожелания ряженые получали от хозяев гостинцы, особенно желаемы были обрядовые фигурные хлебцы в виде фигур людей или животных *басылтæ/басилта*. После исполнения этой песни, колядовщики бросают на пол деревянные щепки, желая хозяевам столько счастья, сколько щепок было разбросано.

Поэтика обрядово-поздравительных песен связана с произнесением магически значимого текста, в котором исполнители обряда желают хозяевам всяческих благ: здоровья, богатства, хорошего урожая и приплода скота. Чаще всего встречается поэтическая формула: «*Уæ лæг саг амара, уæ ус тырын/лæппу ныййара* ('Чтобы хозяин оленя убил, чтобы хозяйка отрока / сына родила'). Заканчивается обрядовая песня чаще всего просьбами об одаривании в виде съестного:

*Махæн басийлаг раттайтæ, раттайтæ!
Цъæх авги дзаг цъæх арахъ, цъæх арахъ!
Сау гъосини сау бæгæни, сау бæгæни!
Цæхцæхæнгæ цæхгун фарс, цæхгун фарс!
Не 'ртæ къерей, не 'ртæ къерей
Радæттæтæ, радæттæтæ! [6, 64]*

Нам же наши басилта отдайте, отдайте!
В прозрачной бутылке прозрачной араки,
прозрачной араки!
В черном кувшине черного пива, черного пива!
Хрустящие копченые ребрышки!
Наши три пирога, наши три пирога
Отдайте, отдайте! [6, 220]

Как отмечает В. Уарзиати, «указанные факты предсказывают глубокую архаику календарных песен “Хæдзаронтæ // Ба-

силтæ”. <...> текстовки этих песен, как и сама обрядность, восходят своими корнями к эпохе древних земледельцев и культу плодородия вообще” [7, 86].

Зимние религиозно-мифологические песни представлены песнями в честь *Тутыра* – покровителя волков, а также людей, ворующих скот. Согласно народным верованиям именно от него зависела безопасность домашних животных. В традиции существовал запрет на произнесение имени *Тутыра* женщинами. Обращаясь к нему, женщины употребляли эпитет «*æфсæндзыхты бардуаг*» (букв. 'покровитель тех, кто с железной пастью').

По верованиям осетин, скот, родившийся в дни праздника *Тутырта*, считался отмеченными высшей силой. Как отмечает В. Уарзиати «В этот праздник важная роль отводилась магическим действиям. Кузнецы изготавливали железные крестики и треугольные апотропеи, которые по представлениям осетин считались лучшим средством от демонических сил. Детей водили в кузню и положив их руку на наковальню, кузнец маленьким молоточком ударял по ней два раза» [8, 54]. Апотропейную функцию выполняли также кресты из красной нити, нашиваемые в эти дни на внутреннюю часть одежды.

Праздник *Тутырта* в традиционном сознании осетин знаменует конец зимы и начало весны. «Отмечая переход от зимы к весне, три дня Тутырта олицетворяли собой космогоническое обновление, стремление обрести сакральную чистоту, свойственную изначальному состоянию мировоззрения» [8, 54-55].

Песня в честь покровителя волков исполнялась во время праздника *Тутыры бонтæ*. Поэтические мотивы песни связаны с произнесением ритуально-значимого текста, в котором *Тутыр* выступает как защитник людей, их ходатай перед другими святыми:

Тотур махæн Æфсатийæй ракордзæнæй,
 Сæргин сæгтæ нин уæд дæтдзæнæй.
 Фонси Фæлвæрайæй дæр ракордзæнæй,
 Фонаæфсес нæ фæккæндзæнæй,
 Рохс Тæтæртуттæй дæр нин ракордзæнæй,
 Будури хуарздзинæдтæ нин хуарз лавæрттæ
 ракæндзæнæй.
 Рохс Алаурдийæй дæр нин ракордзæнæй,
 Сæривулд нæ фæккæндзæнæй.
 Хуари Уацеллайæй дæр нин ракордзæнæй,
 Хуарæфсес нæ фæккæндзæнæй [6, 40-41].

Тотур для нас у Афсати попросит:
 Ветвисторогих оленей даст он нам.
 У покровителя скота Фалвары тоже попросит:
 Обилье скота будет у нас.
 У светлого Татартупа тоже попросит:
 Из благ равнины наделит нас хорошей долей.
 У светлого Алаурди тоже попросит,
 Чтобы больше нас стало.
 У покровителя хлебов Уацелла тоже
 попросит:
 Зерна нам даст вдоволь [6, 194].

В текстах достаточно развернуты также мотивы создания предметов во время празднования дней Тутыра, которые приносят счастье и удачу:

Амондджын лæг агъуыст кодта,
 Тутыры конд фæрæт йæ фæсроны куы
 'рсагъта,
 Цыбыр къобортæ куы 'рбаифтыгъта цыбыр
 тæбынгтыл,
 Тутыры конд æфсондз цыбыр бæрзæйттыл куы
 бавæрдта,
 Тутыры конд тæбынга куы 'ртъыста,
 Фарны коммæ куы рарæсти,
 Фарны бæлас куы ралæста,
 Амондджын агъуыстытæ дзы куы сарæста,
 Амондджын лæг цардæй дзы куы бафсæсти [6,
 40].

Счастливый человек строил дом.
 Как заложил /он/ за пояс топор, сработанный
 в неделю Тутыра,
 Как впряг он могучих волов в ярмо с
 короткими занозами,
 Как надел на их мощные шеи ярмо,
 сработанное в неделю Тутыра,
 Как вдел в него занозы, сработанные в неделю
 Тутыра,
 Как отправился он в ущелье благодати,
 Как привез /оттуда/ благодатное дерево,
 Как построил из него счастливый дом
 И как наслаждался счастливый человек
 жизнью в нем [6, 194].

Весенний период календарного цикла был насыщен обрядовыми действиями, характерными для осетинской традиции, и включал как *земледельческие*

так и *религиозно-мифологические песни*. Земледельческие песни исполнялись преимущественно во время праздника, посвященного началу весенне-полевых работ *Хоры бон* ('День зерна')/ *Хумидайæн* ('Начало пахоты'). Основной обрядовой функцией праздника являлось моление о богатом урожае и первая запашка, которую осуществлял устроитель праздника – *хоры фысым* (букв. 'хозяин зерна') одетый в шубу наизнанку. «По народным, представлениям, вывернутая наружу шуба должна была способствовать тому, чтобы всходы на полях были густыми, как мех» [7, 11].

Песни исполняемые во время праздника первой борозды представлены следующими видами: *Хорæрцыды зарæг* ('Урожайная песня'), *Дæлæ быдыры нæ гутæттæ* ('Вон там в поле наши плуги'), *Хуымгæнæны зарæг* ('Песня пахоты').

По своему содержанию и функциям *весенние земледельческие песни* связаны с верой в вербальную магию, которая должна вызвать к жизни то, о чем поется в песне:

Даргъауæдзæ фæтæн хумæ.
 Йес хуар, йес, хуар!
 И хумгæнди хуар æрзайуй,
 Йес хуар, йес хуар!
 Идзаг нæмуг зæузæугæнгæ.
 Йес хуар, йес хуар!
 Йеци хуарæн æмбал,
 Йес хуар, йес хуар!
 Аци анз дæр аци адагæн,
 Йес хуар, йес хуар,
 Сæ хумтæбæл æрзайæд,
 Йес хуар, йес хуар! [6, 66]

Длинная борозда, широкая пашня.
 Есть хлеб, есть хлеб!
 На этой пашне хлеб вырастает,
 Есть хлеб, есть хлеб!
 Полное зерно /от тяжести/ колышется.
 Есть хлеб, есть хлеб!
 И в этом году у этих людей
 Есть хлеб, есть хлеб!
 На их пашнях пусть вырастает
 Есть хлеб, есть хлеб!
 Тому хлебу подобный.
 Есть хлеб, есть хлеб! [6, 221]

Ключевое значение для поэтической системы *весенних земледельческих песен* имеют образы эпических героев и святых покровителей: *Уастырджы/Уасгерги* (святой, покровитель мужчин, путников, охотников, воинов) *Никкола* (покровитель хлебных злаков, всего, что произрастает на земле для пользы человека) *Мады Майрам/Мада Майрам* (покровитель женщин и детей) *Тутыра/Тотур* (властелин волков, покровитель людей воруящих скот; в дигорском фольклоре) *Уацилла/Уацелла* (громовец, покровитель хлебных злаков и урожая; часто называется «хлебным Уацилла») *Фалвара* (покровитель мелкого скота) *Татартуп* (покровитель равнинной Осетии и одновременно и аграрное божество, почитаемое всеми осетинами) *Курдалагон* (покровитель кузнечного дела) *Аларды* (покровитель оспы, кори и глазных болезней):

*Уасгерги еунагъан — готондараг.
Сугъдаг Никкола — сарбэлхуацаг.
Фалвара уомаг галдзорег аей.
Уорссаер Татартуп уомаг муггагхассег.
Хуари Уацелла муггагтауаг аей.
Сугъдаг Узунег муггагхассег аей.
Еунагъан ци хуар арзадаей,
Йеци хуар аци анз даер арзайдзаенаей;
Сау гали фадуати сэдэ 'фсери
уад ку арзадаей [6, 73].*

Уасгерги одинокому направлял плуг,
Святой Никкола держал волов за рога,
Фалвара ему волов погонял,
Седоглавый Татартуп ему семена нес,
Покровитель хлебов Уацелла сеял их.
Святой Узунег перебирал семена,
Пусть уродится такой хлеб в этом году,
Какой уродился у одинокого;
В следе от копыт черного вола сто колосков
тогда взошло [6, 229].

Из числа персонажей нартовского эпоса в поэтических текстах упоминаются *Сатана*, *Созруко/Сослан*. В текстах земледельческих песен эти персоны выступают в качестве участников первой пахоты:

*Аллридиги сэмæ дзиллитæ æмбурд кодтонца.
Хуаллагæнаг син — нарти Сатана,
Сехуардзау син — æнаецуд кизгутта,
Рæфтаддзау син — нæуæгцуд киндзита,
Сæ дууадæс готонбæл йефтигъд адтæй
Æнхузæнаей уорссиуæ сау галтæ [6, 72].*

Со всех сторон к ним собирались люди.
Припасы им заготовливали нартовская
Сатана,
Полдник им готовили незамужние девушки,
Обед — молодые невестки;
В двенадцать их плугов были запряжены
Одинаковые белорогие черные волы,
тем хлебом [6, 226].

*Сæумон изæдтæ 'ма изæйрон даугутæ ба
Галтæмæ дзорæг, гъæй!
Мада Майрам син къерехассæг, гъæй!
Нарти Созрухъо син искувта, гъæй!
Къеретæбæл фарни зартæ никкодтонца,
гъæй! [6, 73]*

Утренние изэды и вечерние дауаги
Волов погоняют, ой!
Мада Майрам им пироги приносит, ой!
Нарт Созруко за них помолился, ой!
Над пирогами песню фарна запели, ой! [6,
229]

Религиозно-мифологические весенние песни представлены песнями в честь покровителей: *Мыкалгабыр* (изобилия, счастья, надежды), *Никкола* и *Аларды*. К сожалению, тексты и напевы песни в честь *Мыкалгабыр* ни в традиции ни в архивных материалах обнаружить не удалось. Песни в честь святых *Никкола* и *Аларды* продолжают существовать в традиции.

Праздник в честь повелителя кожных болезней. Поэтические особенности песен в честь *Аларды* связаны с восхвалениями святого, молениями о скорейшем выздоровлении заболевших и просьбы о сохранении здоровья молящихся.

*Ца 'гасей нæ æрæййæфта,
Уа 'гасей нæ куы ныуагъта,
Зæдты уæлейæ бадинаг,
Нæ сыгъæрин сырх Аларды! [6, 44]*

Как застал нас здоровыми,
Так здоровыми оставил нас,
О достойный сидеть во главе зэдов,
Золотой наш, красный Аларды! [6, 198]

К числу традиционных формул обращения к святому, относятся эпитеты *сызгъæрин/сугъæринæ* ('золотой'), *сырх/сурх* ('красный'), *сызгъæринбазырджын/сугъæринæбазургин* ('златокрылый'), *рухс/рохс* ('светлый').

*Алы къуыппыл — да кувæндон,
Алы цæндыл — да хуымæллаг,
Хоры сæртæй — да бæгæны,
Уæ, сызгъæрин сырх Аларды!* [6, 42]

На каждом холме твоя молельня,
На каждом бугре твой хмель,
С первого урожая твое пиво,
О золотой, красный Аларды! [6, 198]

*Рохс Алаурди, табу дин кæнæн,
Уой, табу, табу æхецæн, уой, табу!
Сугъæрийнæ нагдæбæл фæххæтæ!
Уой, табу, табу æхецæн, уой, табу!* [6, 44]

Светлый Алаурди, славим тебя!
Уой, табу, табу ему, уой, табу!
Золотыми тропами ходи,
Уой, табу, табу ему, ой, табу! [6, 199]

Основой построения сюжета текстов является перечисление жертвоприношений с целью умилоствления и в знак благодарности за благожелательное отношение:

*Бурхъус уæрыкк — да кувинаг,
Уалдзыгæндæй — да луаси* [6, 44].

Барашек с желтым ушком тебе для жертвоприношения,
Из яровой пшеницы твои лепешки [6, 198].

Встречаются также и тексты, построенные на диалоге святого Аларды с другими осетинскими покровителями:

*Изгиди бæстæбæл рохс Алаурди рацæйцудæй.
Хуарз Уасгерги йибæл уоми фенбалдæй:
— Уæй, да фæндаг раст, сугъæринæбазургин
Алаурди!*

*— Уæй, да гъуддаг раст, уæй, да гъуддаг раст,
хуарз Уасгерги!*

— Кумæ цæуис, рохс Алаурди?

*— Дæлæ будури и фæдтуйнæгтæмæ æз ку
цæун!* [6, 46]

По Згидской земле прошел Алаурди.

Добрый Уасгерги там ему повстречался.

— Ой, счастливого пути тебе, златокрылый Алаурди!

— Ой, удачи тебе, ой, удачи тебе, добрый Уасгерги!

— Куда идешь, светлый Алаурди?

— Да вот на равнину к должникам 'я иду [6, 200]

Песни в честь святого *Никкола* встречаются локально в дигорском ущелье Северной Осетии и среди осетин Карельского района Грузии. Основой построения текста является конкретный сюжет, повествующий о помощи *Никкола* беднякам:

Мæгур адæм йеци рауæн исавдæнцæ.

Уалдæн уонай еу мæгур лæг ку никковуй:

— Уæй, Никкола, ку исæфæн аци рауæн,

*Дæ хуарзæнхæй нæ фæууæд, фæннæйервæзун
кæнæ!*

*Ку нæ фæййервæзун кæнай, уæд дин кувд-
титæ фæккæндзинан,*

*Уорс уæлитæ дин, уорс каркитау, фæвгæрддзи-
нан.*

<...>

*Уордæмæ Никкола мæгур лæги кувд ку фегъу-
ста,*

Йеци сахат изæдти астæуæй фæййаууонай,

И денгизмæ мæгур адæммæ ниррæхсбетуй,

*И денгизæй мæгур адæми и сормæ ку 'рбай-
ефхæссуй,*

*Сæ науæй дæр син фæйнаги æрхъез, зæгæли
саст,*

Исæфун нæ бауагъта, табу йин уæд! [6, 41]

Бедный народ погибал на этом месте,
Тем временем один бедняк из них взмолился:
Ой, Никкола, ведь мы на этом месте погибали,
Да будет на нас твоя милость, избавь нас,
Если спасешь нас, то устроим в честь тебя пиры,
Будем резать в честь тебя белых барашков,
подобно белым курам».

<...>
Туда ведь услышал Никкола мольбу бедняка,
В тот же час он исчез из среды ангелов,
Опустился он на море к бедному народу,
Вывел он из моря бедных людей на сушу,
Из их корабля тоже ни куску доски, ни ломаному гвоздю,
Не дал пропасть, да будет ему табу! [6, 195]

Образ самого *Никкола* получает воплощение в формульных поэтических выражениях *на лиман Никкола* ('наш друг Никкола'), *хуарз Никкола* ('добрый Никкола').

*Никкола ба хуарз ай, хуарз!
Дае рунтае дин бахуаран, Никкола!
Хуарз ай Никкола!* [6, 42]
Никкола ведь добр, добр!
Да съедим мы твои болезни, Никкола!
Добр Никкола! [6, 196]

Летне-осенний период календарного цикла представлен **религиозно-мифологическими, земледельческими и обрядово-поздравительными песнями обхода дворов.**

Среди праздников религиозно-мифологического характера необходимо отметить праздники в честь святых *Уацилла*, *Фелвара*, *Фыдыуани* (аграрное божество) и *Уастырджи*.

Праздник в честь *Уацилла* длился 5 дней и носил аграрный характер. В честь святого резали жертвенное животное и возносили молитвы. Как отмечает В. Уарзиати «В первый день жрец святилища Илас Куццаты с группой помощников посещал святую пещеру в отрогах горы Тбау-хох и традиционно проводил там ночь. По чаше с пивом, ежегодно меняемой в день праздника, священнослужитель

гадал о всех видах на урожай» [8, 87]. В каждый последующий день совершались определенные ритуальные действия.

Наиболее характерными мотивами для песен в честь *Уацилла* являются: восхваление святого, задабривание и просьбы о ниспослании благ. В приведенном ниже фрагменте песенного воплощен мотив умилоствления:

*Алы кьуйптыл — дае куваандайттае,
Мах — де узаеаг, кадджын Уацилла,
Ды — нае фадзаехсаг!
Хьугомы хорай — дае хуымиллаг,*

*На хоры сартаей даеуан куы куваем,
На фосы сарай даяр даеуан куы куваем!* [6, 39]

На каждом холме твои молельни,
Мы под твоей защитой, славный Уацилла!
Ты наш покровитель!
С ближней пашни зерно ' для жертвенных пирогов во имя твое,
С первого урожая тебе молимся!
Лучшим скотом тоже тебе молимся! [6, 193]

Кроме того, в текстах песен текста акцентируется внимание на том, что каждый член общины совершает действия во славу *Уацилла* согласно социальным нормативам традиционного поведения: мужчины-молятся, женщины – готовят ритуальную пищу, молодые девушки ходят по воду, а юноши поют песни и веселятся:

*Алы заерадтае — дае кувааг адаем,
Заронд устытае — кувинаг каенаг,
Чындздзон чызджытае дае дондзау куы сты,
Фасивады херттае — дае ном стауааг,
Алы хьалдзагаей дае ном куы каеныц* [6, 39]

Все старики — молящийся тебе народ,
Старушки готовят тебе жертвенные пироги,
Молодые девушки воду для тебя носят,
Лучшие из юношей имя твое превозносят,
Веселятся во имя твое [6, 193]

В более поздних вариантах текстов девушки предстают как основные исполнители на музыкальных инструментах во время пиршеств:

*Ой, нае чындздзон чызджытае
Нае рассугьд дзинадты
Куывдты, чындзаехсавты
Сае фандыры зялттае хьалдзагаей куыд хьуысой,
Ахам арфае ракен!* [Дзлиева ЭВФ, 014- 021]

Ой, пусть молодые девушки,
На красивых мероприятиях,
Во время пиров и свадеб,
Весело пусть играют на гармонике!
Благослови на это!
(пер. с ос. Д. Дзлиевой)

Некоторые поэтические мотивы используются в текстах песен в честь Уацилла являются более характерными для молитвословий и заключаются в восхвалении и просьбами о хорошем урожае, приплоде скота и других благ:

*Хор-Уацилла, да хорзæхæй, уæ-уæй!
Уацилла нын хор дæтдзæни, уæй!
Фæлварæ нын фос дæтдзæни, уæй!
Уæла бæрзондыл бадгæ кæныс, уæй!
Уæ-уæй æмæ, да хорзæх [на уа] уæдæ,
Уæ-уæй, уæдæ, хорз Уацилла, уæй!
Уæ-уæй æмæ, да хорзæхæй, уæй!
Ракæс æмæ уæд рафæлгæс, уæ-уæй,
Дæ хорзæхæй, Хор-Уацилла, уæй! [6, 39-40]*
Хор-Уацилла, обрати свою милость на нас!
Уацилла нам зерно даст, уай!
Фалвара нас скотом одарит, уай!
Вон на вершине восседаешь, уай!
Уа-ай, и да снизойдет на нас твоя милость
Уа-уай, тогда, добрый Уацилла, уай!
Уа-ай, обрати на нас свою милость, уай!
Взгляни и огляди, уай, уай!
Обрати свою милость на нас, Хор-Уацилла,
уай! [6, 193]

Наряду с земледелием ведущей отраслью хозяйства у осетин было животноводство. Покровителем мелкого домашнего скота в осетинской мифо-религиозной системе считается *Фæлварæ*. «В день праздника Фалвары, который бывает в августе месяце, осетинское семейство, у которого водятся овцы, режет барашка и готовит дзыкка. По приготовлении этих кушаний, старший в доме молится: “О, Бог богов! Тобою созданы мы и скот наш. Ты наделил Фалвару овцами и счастьем, надели ими и нас. О, Фалвара! Богу угодно было вручить тебе головы наших овец, а потому молим тебя, отврати от них всякую болезнь; умножая умножь их на столько, сколько на небе звезд. О, Фалвара и Тутыр, просим вас — вкуче защитите головы наших овец от волков, коим заткни глотки камнями”» [10, 180].

В обрядовой песне, исполнявшейся на празднике, сюжетный мотив связан с побуждением к труду и активной деятельности как залого благосклонности святого Уацилла :

*Гъей, æмæ, йæ тымбыл дзуг
Цæгатæн йæ хуссартты
Хъæлдзæгæн чи фæхиздзæн.
Гъей, сæлфынаг бон сæ фæстæ
Къуыззиттæй заргæ чи араст уыздæн,
Ой, йæ фосæй та, дам, ын Фæлварæ ратдзæн
Бурæхъус нæл фыс.
Уалдзыгон бонмæ уырдыгстæу
Галтæ чи фæрæвдз кæна, уымæн
Хор зынаргъ нæ уыздæн [6, 39-40].*
Гей, тот, кто тучную отару
На солнцем озаренных северных склонах
С радостью будет пасти,
Гей, тот, кто в моросящий дождь
Погонит их, насвистывая песню,
Ой, тому, говорят, Фалвара даст
Барана с желтым ушком.
Тому, кто быков справно
Подготовит к весне, тому
Зерно легко достанется [6, 193].

В приведенном фрагменте песенного текста встречается характерный образ-символ *бурæхъус нæл фыс* (баран с желтым ушком). Как указывает Т. А. Гурьев В осетинских нартских сказаниях, в герических песнях встречается устойчивое сочетание «борæ нæл фыс» (бурæ нæл фыс) и почти всегда как объект заклинания в честь гостя» [11, 28]. По мнению Гурьева, слово *бурæнæл/борæнæл*, правильнее писать слитно, так как восходит оно к монгольскому *бордмол* – откормленный. На наш взгляд, семантическая особенность этого образа-символа в контексте календарных обрядовых песен связана с обозначением «откормленный» как «лучший», «особенный», «отмеченный свыше».

К летне-осеннему циклу относится также и праздник *Фыдыуани/Фудиуане*. Во власти этого святого была погода, благодаря которой «Во время праздника <...> молились о благополучии урожая и хорошей погоде, чтобы не было ливней, града и других стихийных явлений. Иными словами, данный праздник — типич-

ный из цикла охранительных ритуалов урожая в предверии и момент сбора урожая». Схожей лексемой в дигорском диалекте – *фудуане* также обозначается сильный порывистый ветер поздней осенью в горах [12, 622]. К сожалению, текст этой песни нам обнаружить не удалось.

Наиболее почитаемым во всей Осетии является праздник *Уастырджийы къуыри* ('неделя Уастырджи'). Помимо обрядовой трапезы и обрядовых молений исполнялись песни. Отобедав, богомольцы садились на лошадей и, объехав на них вокруг молельни со словами: "Уастырджи, соблюди нас и лошадей наших" — возвращаются в аул. В ауле молодежь долго поет песни "Уастырджи: Ух! Св. Георгий! Да съедим мы твои болезни! Окажи помощь вот этому дому, умножь скот его и хлеба" и т. п. Пение и посещение отдельных саклей продолжается до утра». (2, 288).

Наиболее характерные поэтические мотивы календарно-обрядовых песен посвященных *Уастырджи* связаны с просьбами о защите, покровительстве и ниспослании благ участникам ритуала и примыкают к молитвословиям:

*Ой, ой, табу дин аербауа, цитгин Уасгерги,
ой, даумæ кован!*

Нæ хуарздзинадæ дæр дауæй ку корæн, гъей!
<...>

*Ой, ой, нæ фæндаггон, Уасгерги,
Де уазæг; дæ рахез базури буну
Фуд нæмугæй бæлциони йефхæссæ, гъей!*

*Ой, ой, нæ уарзон Уасгерги,
Фуд аертахæй дæр нин нæ тиллæг йефхæссæ,
гъей!* [6, 38]

Ой, ой, табу тебе, славный Уасгерги, ой, тебе молимся!

Благополучия у тебя ведь просим, гей!

<...>

Ой, ой, спутник наш Уасгерги, мы твои гости
Правым крылом своим нас прикрой
От злой пули путника, гей!

Ой, ой, наш любимый Уасгерги,
Оберегай наш урожай от злого ливня и града
гей!

 [6, 192]

К числу традиционных образов-символов, характеризующих покровителя мужчин и путников, относятся, напри-

мер, формулы обращения, основанные на использовании постоянных эпитетов: *сызгъæринбазыр* (златокрылый); *сызгъæрин* (золотой); *бæрзондыл бадæг* (сидящий на вершине); *байрагæй бæхгæнæг*, *лæппуйæ лæггæнæг* (тот, кто из жеребенка коня делает, а из мальчика мужчину):

*Гъæй, гъæй байрагæй бæхгæнæг,
Лæппуйæ лæггæнæг, Уастырджи!*

О, табу дахицæн!

*Гъæй, гъæй нæ кастæртæ де уазæг,
Уастырджи.*

Табу дахицæн сызгъæрин Уастырджи!
[9, 014-024]

Гъæй, гъæй тот который из из жеребенка — коня делает

А из мальчика мужчину, Уастырджи!

О, слава тебе!

Гъæй, гъæй, наши младшие под твоим покровительством, Уастырджи.

Слава тебе, золотой Уастырджи! (пер. с ос. Д. Дзлиевой)

Благодаря тому, что образ *Уастырджи* чрезвычайно значим для осетинской культуры, песня, адресованная святому, сохранилась и продолжает бытовать в современной культурной практике. Будучи одной из самых распространенных песен, она может исполняться на самые разнообразные мотивы, располагающиеся в широком стилевом диапазоне от ранне-традиционных до новейших городских песен.

В цикле летне-осеннего периода земледельческого календаря в осетинской традиции **особо выделяется праздник: Хоры сæры куывд/Хуарисар** (праздник, посвященный началу уборки урожая). «Не менее важным и, возможно, более радостным для крестьянина был осенний праздник — снятие первого урожая. В каждой семье самые первые снопы зерна обмолачивались, зерно мололи (чаще всего дома на ручной мельнице), а потом устраивали застолье, на которое приглашали соседей, родственников. За столом произносили молитвы, в которых просили, чтобы собранный урожай пошел впрок, пошел бы на кувды (пиры) и свадьбы» [13, 9].

Нами было выделено два типа песен, связанных с праздником сбора урожая. Это песня *Фæззæджы зарæг* ('Песня осени') и *Тыллæджы зарæг* ('Урожайная'). В отличие от весенних песен, главными героями которых становились представители мифо-религиозной системы осетин, в осенних календарно-обрядовых земледельческих песнях воспевалась трудолюбивая молодежь, которая соберет богатый урожай.

Основные поэтические мотивы этих песен связаны с надеждой на хороший урожай:

*Устур фæззæг æриудæй,
Æ хæциæ амонд æрхаста.
Уæ, фæззæг, ци хуарз æй!
Бæркадгун фæззæг, бæркадгун!* [6, 74]

Великая осень настала,
С собою счастье принесла.
О осень, как хороша она!
Обильна она, обильна! [6, 75]

Кроме того, осень предстает в текстах персонифицированной, по отношению к ней употребляются эпитеты: *стыр / устур* ('великая'), *гъæздуг/хъæздуг* ('обильная'), *сызгъæрин / сугъзæрийнæ* ('золотая'):

*Уо, устур фæззæг,
Уо, гъæздуг фæззæг,
Уо, æрацо нин, æрацо!* [6, 74]

О великая осень,
О щедрая осень,
О, приди к нам, приди! [6, 75]

Встречаются тексты, где осень выступает как благо для трудолюбивых и подобна смерти для ленивых:

*Фæззæг æвзæраен — удхæссæг,
Хорзæн — цæлгæнæн.
О, фæззæг, фæззæг, сызгъæрин фæззæг!* [6, 74]

Осень для ленивого — погубительница,
Для работающего — кормилица.
Осень, осень золотая! [6, 74]

Кроме того, в текстах упоминаются и представители мифо-религиозной системы имеющие отношение к изобилию, такие как *Уацилла* и *Фæлвæра*, а также покровитель мужчин *Уастырджи*:

*Сызгъæрин Уастырджи,
Ратт нын алицыдæр,
Сызгъæрин Уастырджи!
Хордæттæг Уацилла!
Фосдæттæг Фæлвæра!
Сой, сой, Уастырджи!* [6, 74]

Золотой Уастырджи,
Дай нам все,
Золотой Уастырджи!
Зерно дающий Уацилла!
Скот дающий Фалвара!
Сой, сой, Уастырджи! [6, 74]

Все осенние земледельческие песни, так же как и весенние исполнялись с верой в магию слова, поэтому пелось в них о радости богатого урожая и щедрости, с которой осенние работы подарят людям изобилие.

Обрядово-поздравительные песни обхода дворов представлены в летне-осеннем цикле песней *Сой* (букв. 'жир', 'сало', 'масло' обобщенно сытость, обилие, достаток) исполнявшейся во время обрядовых хождений по дворам перед праздником *Кæхцæнæн* ('справлять чашу'). Этот праздник устраивали в честь мальчиков, родившихся в течение года. «Суть его сводится к тому, что в этот день родители невестки с богатыми дарами посещают своего маленького племянника. <...> Как правило, практически все расходы на приобретение подарков и организацию стола несла семья родившей женщины. Более того, она обходила своих ближайших родственников по отцу и матери с целью оказания ей посильной материальной помощи. С этим связано и название праздника, ведь мать новорожденного обходила родственников с большой деревянной чашей *кæхц*, собирая всевозможные подарки и припасы для этого праздника» [8, 92].

Одним из составляющих обряда являлись молодежные обрядовые шествия по дворам с пением. Участники обходов ходили ряженными в вывернутых мехом наружу шубах. Ключевым моментом ритуала являлось их одаривание, что и отразилось в текстах:

Се 'фсины фарсыл — дидитæ,
 Сой цауы, сой!
 Радавут нын чъиритæ,
 Сой цауы, сой!
 Сæ баггæны — гарзы дзаг,
 Сой цауы, сой!
 Радавут нын дзы авджы дзаг,
 Сой цауы, сой!
 Се 'фсины нагй иу зонаг,
 Сой цауы, сой!
 Радавут нын физонаг,
 Сой цауы, сой! [6, 80]

На поясе у хозяйки побрякушки,
 Сой идет, сой!
 Вынесите нам пироги-ватрушки,
 Сой идет, сой!
 У них пива бочка полная,
 Сой идет, сой!
 Бутылку из нее нам дайте,
 Сой идет, сой!
 Их хозяйку никто не знает,
 Сой идет, сой!
 Принесите-ка шашлыка
 Сой цауы, сой! [6, 236-237]

Песни, исполняемые во время обряда *Кæхцигæнæн*, встречаются с двумя типами рефренов: магический, в знак пожелания домохозяевам изобилия, *Сой, цауы сой*, и не имеющей смысловой нагрузки припев *Уасси уарада*.

Характер песни веселый и шуточный усиливался благодаря глумным мотивам:

Уæлæ уæлкъæсар касута,
 Уæсси-уæрæйда!
 Се 'фсин басурта,
 Уæсси-уæрæйда!
 Магæ дын мæ дзабыр,
 Уæсси-уæрæйда!
 Хæндыгæ бабыр,
 Уæсси-уæрæйда!
 <...>
 Дæлæ быдыры бирæгъ ахстон,
 Уæсси-уæрæйда!
 Се 'фсины сын бирæ уарзтон,
 Уæсси-уæрæйда! [6, 79]

Вон над порогом касута,
 Уасси-уарайда!
 Хозяйка дома в обмороке,
 Уасси-уарайда!
 Вот тебе мой чувяк,
 Уасси-уарайда!
 В кадку с рассолом влезь,
 Уасси-уарайда!
 <...>
 Там в поле волка ловил,

Уасси-уарайда!
 Хозяйку я очень любил,
 Уасси-уарайда! (пер. с ос. Д. Дзлиевой)

Таким образом, музыкально-стилевые особенности осетинских календарных песен обусловлены функциональной направленностью. **Религиозно-мифологические песни** в календарной обрядности осетин, представлены двумя типологическими группами. Напевы первой группы отчасти близки группе историко-героических и эпических песен. Прежде всего, эти напевы связаны с ярко выраженной декламационной манерой исполнения и отличаются развитыми формами песенной строфики, нежели свадебные. Напевы второй группы имеют заклинательно-магическую функцию и близки к свадебным песням инициационной линии обряда.

В **обрядово-поздравительных песнях обхода дворов** наличие игрового начала делает музыкально-ритмические и композиционные особенности ведущими в организации песенной формы. Темп исполнения всегда довольно быстрый и имеет тенденцию к постепенному ускорению к концу. В музыкально-типологическом отношении они близки к игровым хороводам.

Земледельческие песни осетинского народного календаря достаточно разнообразны и в музыкально-типологическом отношении примыкают к трудовому обрядовому фольклору.

Как в прошлом, так и в настоящем осетинские календарно-обрядовые песни исполняются в традиционной вокальной манере опорного двухголосия, где солирующий голос исполняет декламационный напев в достаточно свободном ритмическом оформлении, а *фæрсаг* (букв. – 'втора'), хором подтягивает бурдонный бас. Его мелодика достаточно неразвита и развертывается в узком диапазоне интонирования вокруг основной ладовой опоры. Координация солирующего голо-

са и хорового бурдона осуществляется в интервалах квинты и октавного унисона в опорных точках песенной формы – на возгласах-маркерах «Ой» и «Гъэй». Однако в ранних записях зимних обрядово-поздравительных песен обхода дворов встречаются образцы совместного чисто унисонного исполнения.

Обобщая аналитические наблюдения, отметим, что календарно-обрядовый цикл у осетин представляет собой сложно организованную систему, включающую, наряду с вербальными, музыкально-поэтические образцы фольклора. Основная их функция – магическая, способная воздействовать на окружающий мир и менять его в лучшую сторону. Как отмечают исследователи, «Обрядовое пение – мощнейшее магическое средство,

при помощи которого в преставлении народа, можно управлять временем, менять его ход или намерено стягивать в одну точку. В критических ситуациях, люди сознательно использовали это свойство звука с целью магического воздействия особой силы, уместного лишь в экстраординарных обстоятельствах» [14, 126-127].

В современной ритуальной практике, осетинские календарные песни продолжают существовать во вторичных формах фольклора. Усилиями фольклорных ансамблей и особо инициативной молодежи, обрядовый музыкально-поэтический фольклор возвращается в контекст некоторых обрядовых действий, что является решающим фактором в вопросе сохранения песенно-обрядового компонента осетинского народного календаря.

-
1. Щуров В. Жанры русского музыкального фольклора М., 2007. Кн. 1.
 2. Миллер Вс. Осетинские этюды // Ученые записки императорского Московского университета. Москва, 1881. Репринтное издание: Владикавказ, 1992. Вып. 1.
 3. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1989. Т. 4.
 4. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1979. Т. 3. 358 с.
 5. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.;Л., 1958. Т. 1.
 6. Памятники народного творчества осетин: Трудовая и обрядовая поэзия осетин / Сост. Т.А. Хамицаева; пер. Г.А. Дзагурова, Т.А. Саламова, Д.Г. Тменовой, А.А. Хадарцевой и Т.А. Хамицаевой (ПНТО). Владикавказ, 1992.
 7. Уарзиати В.С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе, 1987.
 8. Уарзиати В.С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика. Владикавказ, 2007.
 9. Дзлиева Д.М. Личный архив. Экспедиционный видеофонд.
 10. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л.А. Чибиров. Цхинвали, 1987. Кн. 3.
 11. Гуриев Т.Л. О происхождении и значении сочетания “бурæ нæл фыс” в осетинском яз. // Известия СОНИИ. 1968. Т. XXVII.
 12. Таказов Ф.М. Дигорско-русский словарь. Русско-дигорский словарь. Владикавказ, 2015.
 13. Хамицаева Т. А. Предисловие // ПНТО. Владикавказ, 1992.
 14. Пашина О.А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. М., 1998.